

УДК 81:1

Домброван Т.И.

ТЕКСТ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ПРОФЕССОРА ИРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ КОЛЕГАЕВОЙ

Статья освещает некоторые из основных граней концепции текста, изложенной в публикациях профессора И.М. Колегаевой.

Ключевые слова: Колегаева И.М., текст, вербальная коммуникация, поликодовое сообщение.

Домброван Т.И. Текст у науковій творчості професора Ірини Михайлівни Колегаєвої. *Стаття висвітлює деякі з основних граней концепції тексту, викладеної в публікаціях професора І.М. Колегаєвої.*

Ключові слова: Колегаєва І.М., текст, вербальна комунікація, полікодове повідомлення.

Dombrovan T.I. Text in Professor Irina M. Kolegaeva's Scientific Creativity. *The article reveals a few of the main aspects of the text theory, developed by professor I.M. Kolegaeva in a number of her publications.*

Key words: Kolegaeva I.M., text, verbal communication, polycode message.

Среди выдающихся филологов современности, посвятивших свою жизнь исследованию текста как основной единицы вербальной коммуникации, почетное место занимает доктор филологических наук, профессор Одесского национального университета имени И.И. Мечникова Ирина Михайловна Колегаева и созданная ею научная школа.

Ирина Михайловна обогатила отечественную филологию оригинальной концепцией научного и художественного текста в коммуникативном аспекте его функционирования, предложила новый взгляд на функционирование литературного произведения как коммуникативного феномена [см.: 2; 4 и др.]. В научный обиход вошли такие термины, предложенные И. М. Колегаевой, как персональная VS надперсональная коммуникация, статусы надперсональной коммуникации (потенциальный, внешний, внутренний), мегатекст, мегатекстовая структурированность, коммуникативно первичные и коммуникативно вторичные сообщения и др., – термины, которые, благодаря своей ономаσιологической точности, были сразу же подхвачены научным сообществом и настолько органично вплелись в метаязык науки, что ... потеряли авторство. Впрочем, этот факт – лучшее доказательство плодотворности идеи и признания весомости вклада ученого в решение конкретной исследовательской задачи.

Цель настоящей статьи – осветить отдельные, наиболее значимые стороны концепции текста Ирины Михайловны Колегаевой, тщательно разработанной и предложенной в ряде ее работ [см.: 2– 8 и др.].

Изучению различных аспектов организации и функционирования текста как основной единицы коммуникации посвящено немало работ отече-

ственных и зарубежных филологов, однако проблемы вербальной коммуникации и трансвременного функционирования текста не теряют своей **актуальности** и сегодня.

Отличаясь полипарадигмальностью, сосуществованием и взаимным обогащением различных исследовательских подходов к познанию человека как языковой личности, современная лингвистика ориентируется на «изучение мыслительных процессов и социально значимых действий людей. Последние в значительной мере осуществляются через порождаемые и воспринимаемые личностью тексты» [10, 9].

Что же есть текст?

Текст в целом и научный/художественный текст в частности представляет собой комплексную систему, которая характеризуется упорядоченной структурой и предназначена для кодирования, хранения и передачи – во времени и пространстве – информации, заложенной адресантом. Традиционным является определение текста И. М. Колегаевой как письменного сообщения, обладающего смысловой и структурной целостностью, интенционной завершенностью, функционально-стилевой и жанровой оформленностью [2, 3].

Считаем важным подчеркнуть, что в предложенной И. М. Колегаевой концепции текст не рассматривается как изолированный феномен: будучи единицей коммуникации, текст «встраивается» в неразрывную, синергетически сопряженную триаду «отправитель – сообщение – получатель», в которой «малейшее изменение статуса и/или функционирования любого из звеньев незамедлительно приводит к изменению всей триады, а, следовательно, всего коммуникативного акта» [там же, 4].

Анализируя текст как единицу коммуникации, И. М. Колегаева определяет в то же время соотношение текстовых и внетекстовых компонентов коммуникации, трактуя последнюю как «человеческую деятельность в объективно существующем мире, результатом которой оказывается «удвоение» этого мира» [2, 6].

Особое внимание уделяется тексту в оппозиции научной и художественной коммуникации. Рассматривая специфику данных видов коммуникации, Ирина Михайловна указывает на различия их референтных пространств: «референтное пространство художественного текста есть продукт индивидуального творческого сознания, сплошной вымысел, как бы правдоподобно он ни выглядел. Даже беря за основу реальные события и реальных людей, писатель-художник должен осмыслить их и только полученный мыслительный слепок превратить в объект описания, т.е. в референт» [5, 99]. Тезис о том, что «референтное пространство научного текста внеположно творческому сознанию, тогда как у художественного текста оно есть продукт этого сознания», позволяет исследовательнице объяснить не только субъективный характер художественного познания мира, но и абсолютный антропоцентризм художественного текста в отличие от научного [2, 33].

Как известно, научный текст существует в определенной коммуникативной среде (нередко, узкоспециализированной) и ориентирован на подготовленного читателя-специалиста в соответствующей области познания.

В научной коммуникации имеет место реальная референция и отсутствует множественность толкования. Основная функция научного текста – знаковое оформление полученного адресантом знания как фрагмента единой картины мира и передача его потенциальной аудитории, способной адекватно декодировать данное сообщение. Адекватность декодирования означает умение извлекать денотатную структуру, идентичную авторской, что изначально предполагает соответствующий уровень читательской компетентности.

Однако, как заметила А. Г. Гурочкина, «язык отнюдь не всегда обеспечивает беспроблемное понимание адресатом сообщения адресанта» [1, 103], более того, ошибки в понимании и интерпретации смыслов другого человека даже более естественны, чем адекватное понимание [9, 375]. Суть удачного коммуникативного акта состоит, таким образом, в формировании «в читательском сознании целостного симультанного образа содержания, в идеале – идентичного, в реальности – изоморфного таковому, изначально присутствовавшему в сознании автора» [2, 17].

Исследуя специфику научной коммуникации, И. М. Колегаева впервые сформулировала основные черты типологической модели образа автора и образа читателя в научном тексте [там же, 49-50], предвосхитив тем самым многие направления современных лингвокогнитивных исследований феномена человека как *homo loquens*, а также предложила терминопонятие «коммуникативное пространство».

Под коммуникативным пространством понимается бесконечное множество сообщений, которые были созданы человеком и функционируют в человеческом сообществе [3, 9]. Коммуникативное пространство в такой трактовке не ограничивается рамками национальной культуры, хотя структурировано, в частности, и по национальному языково-культурологическому признаку.

Глубокое понимание разномасштабной структурированности коммуникативного пространства позволило И. М. Колегаевой представить текст включенным в целый спектр парадигм – жанровую, функционально-стилевую, национально-культурную, кодово-специфицированную и др. [6, 77]. Подобная «неизолированность» существования текста в той или иной определенной коммуникативно-социальной среде проявляется также и в том, что текстовое сообщение неизбежно подвержено влиянию последней.

В этом контексте важной представляется мысль Ирины Михайловны о том, что воздействие внешней среды способно вызвать изменения коммуникативного масштаба данного текста: «циркулируя в коммуникативном пространстве, текст подвергается разновекторным трансформациям» [6, 70]. Используя современную терминологию, можно сказать, что Ирина Михайловна, по сути, указывает на **фрактальный характер** информационного континуума. Напомним, что под фракталом в синергетике понимают явления масштабной инвариантности (скейлинг), основанные на свойстве подобия части целому.

И. М. Колегаева выделяет два противоположных вектора текстовых трансформаций, а именно: 1) вектор уменьшения текста как коммуникатив-

ного объекта, приводящий к компрессии, свертыванию, реферированию, нередко адаптированию исходного текста, и 2) вектор укрупнения текста, вызывающий расширение коммуникативной ипостаси текста и появление мегатекста, макротекста и гипертекста. «В каждом из этих случаев текст как завершенное, цельнооформленное вербальное сообщение оказывается включенным в некое структурно и функционально идентифицируемое целое, т.е. в некую текстовую парадигму» [6, 70-71].

Под мегатекстом предлагается понимать «единство собственно текста и вспомогательного текста» [там же, 72]. Последний включает закрытое множество (от 1 до 7–8) текстовых сообщений (аннотация, резюме, сноски, комментарии, глоссарий, библиографические списки, эпиграф и т.п.), факультативно сопровождающих основной текст. Особо подчеркивается абсолютная обigatorность и ценностное доминирование основного текста, с одной стороны, и прагматическая второстепенность вспомогательного текста, направленного на оптимизацию функционирования основного текста. Мегатекст отражает структурно-целевую гетерогенность и демонстрирует реализацию вектора «укрупнение» формы коммуникативного сообщения, поскольку вспомогательные тексты типа комментариев или глоссариев добавляют к основному тексту немалый объем содержательно-фактуальной информации; эпиграф вносит свою лепту в углубление содержательно-концептуальной информации; библиографический перечень информирует читателя о научной парадигме, в которую вписан основной текст. Оглавление оптимизирует процесс восприятия текста, объективируя его архитектурно-структурную структуру [6, 73-74].

Тонкие наблюдения над коммуникативной неоднородностью текста, характером и способом отражения в нем референтного пространства, позволили И. М. Колегаевой предложить понятия «коммуникативная первичность» VS «коммуникативная вторичность» сообщений.

В основе коммуникативно вторичного сообщения лежит процесс вторичной вербализации – кодирования вербальными средствами, взятыми из арсенала воспроизводящего сообщения, некоей денотатной структуры, отражающей исходное сообщение, ранее уже вербализованное своими собственными средствами [2, 100 и сл.]. Изучение взаимного пересечения кодировочного и денотатного факторов в процессе вторичной вербализации способствовало детальной параметризации типов коммуникативно вторичных сообщений.

Новаторской представляется предложенная И. М. Колегаевой трактовка статьи музейного каталога как поликодового сообщения, раскрытию когнитивно-коммуникативной специфики которого посвящены публикации [7; 8]. Статья музейного каталога рассматривается как знаковое единство репродукции живописного полотна и вербальной текстовой аннотации. В поле внимания исследовательницы попадают специфические коммуникативные тактики, используемые автором аннотации для расширения информационной базы поликодового сообщения и оптимизации восприятия адресатом иконического и вербального компонентов сообщения как единого смыслового комплекса. Проведенный анализ приводит к выводу о

том, что «именно челночная деятельность пользователя музейным каталогом (постоянное переключение из роли читателя в роль зрителя) является одной из отличительных черт коммуникации в рамках поликодового текста, каковым является единство репродукции и ее вербального комментария, представленных в музейном каталоге» [7,100].

В заключении отметим, что творческое наследие доктора филологических наук, профессора И. М. Колегаевой представлено не только в монографиях, многочисленных статьях и докладах на международных симпозиумах. Ирина Михайловна щедро делится своими идеями и наблюдениями с коллегами и учениками.

Валидность теории текста И. М. Колегаевой доказана временем и на практике. Эта теория обладает несчерпаемым информативным и исследовательским потенциалом, «обречена» на долгую коммуникативную жизнь в научной среде и, безусловно, является ценным вкладом в отечественную филологическую науку. Хочется пожелать юбиляру крепкого здоровья и новых творческих взлетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурочкина А.Г. Аллопарафраз в диалогическом дискурсе / Алла Георгиевна Гурочкина // *Studia Linguistica. Язык в логике времени: наследие, традиции, перспективы.* – СПб: РГПУ им. А.И. Герцена. – XX. – 2011. – С. 102- 106.
2. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации /Ирина Михайловна Колегаева. – Одесса: РИООУП, 1991. – 120 с.
3. Колегаева И.М. Літературний твір й іншомовна читальна аудиторія (комунікативні аспекти текстових трансформацій) /Щорічні записки з української мови. – Одеса, 1996. – Вип. 3. – С. 9-22.
4. Колегаева И.М. Коммуникативная парадигма литературного произведения (культурологический аспект) // «НАУКОВИЙ ВІСНИК» кафедри Юнеско Київського державного лінгвістичного Університету (ЛІНГВАПАКС-VIII). – Київ, 2000. – Вип.3. – С. 547 – 553.
5. Колегаева И.М. Личность творца и ее отражение в триаде «автор–повествователь–персонаж» художественного текста // «Записки з романо-германської філології». – Одеса: Латстар, 2000. – Вип.8. – С. 98 –106.
6. Колегаева И.М. Текстовая парадигма: МИКРО-, МАКРО-, МЕГА-, ГИПЕР- И просто ТЕКСТ /Ирина Михайловна Колегаева // «Записки з романо-германської філології». – Одеса: Фенікс, 2008. – Вип.20. – С. 70 – 79.
7. Колегаева И.М. Музейный каталог как вид поликодового текста // «Записки з романо-германської філології». – Вип. 1 (32) – Одеса: КП ОМД, 2014. – С.92-101.
8. Колегаева И.М. Стаття музейного каталога: когнітивно-комунікативний феномен// «Записки з романо-германської філології». – Вип. 2 (33) – Одеса: КП ОМД, 2014. – С. 38-46.
9. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности /Дмитрий Алексеевич Леонтьев.– 2-е изд., испр. – М.: «Смысл», 2003. – 487 с.
10. Тураева З.Я. Язык и социальное взаимодействие / Зинаида Яковлевна Тураева // *Studia Linguistica. Язык в логике времени: наследие, традиции, перспективы.* – СПб: РГПУ им. А.И. Герцена. – XX. – 2011. – С. 9-28.

REFERENCES

1. Gurochkina, A.G. (2011). Alloparafraz v dialogicheskom diskurse. *Studia Linguistica. Jazyk v logike vremeni: nasledie, tradicii, perspektivy.* (pp. 102-106). SPb: RGPU im. A.I. Gercena.
2. Kolegaeva, I.M. (1991). *Tekst kak edinica nauchnoj i hudozhestvennoj kommunikacii.* Odessa: RIOOUP.
3. Kolegaeva, I.M. (1996). *Literaturnij tvip j inshomovna chital'na auditorija (komunikativni*

- aspekti tekstovih transformacij) /Shhorichni zapiski z ukrains'koï movi. (3), 9-22.
4. Kolegaeva, I.M. (2000). Kommunikativnaja paradigma literaturnogo proizvedenija (kul'turologicheskij aspekt). "NAUKOVIJ VISNIK" kafedri Junesko Kiïvs'kogo derzhavnogo lingvistichnogo Universitetu (LINGVAPAKS-VIII), (3), 547 – 553.
 5. Kolegaeva, I.M. (2000). Lichnost' tvorca i ejo otrazhenie v triade "avtor–povestvovatel'–personazh" hudozhestvennogo teksta. "Zapiski z romano-germans'koï filologii". (8), 98 –106.
 6. Kolegaeva, I.M. (2008). Tekstovaja paradigma: MIKRO-, MAKRO-, MEGA-, GIPER- I prosto TEKST. «Zapiski z romano-germans'koï filologii». (20), 70 – 79.
 7. Kolegaeva, I.M. (2014). Muzejnyj katalog kak vid polikodovogo teksta. «Zapiski z romano-germans'koï filologii». (32), 92-101.
 8. Kolegaeva, I.M. (2014). Stat'ja muzejnogo kataloga: kognitivno-kommunikativnyj fenomen. «Zapiski z romano-germans'koï filologii». (33), 38-46.
 9. Leont'ev, D.A. (2003). Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. M.: «Smysl».
 10. Turaeva, Z.Ja. (2011) Jazyk i social'noe vzaimodejstvie. Studia Linguistica. Jazyk v logike vremeni: nasledie, tradicii, perspektivy, 9-28.

Стаття надійшла до редакції 11.03.2015 р.